

„Три сестры“.

Новая драма А. П. Чехова окончена.

На днях Чехов отдал последний акт драмы „Три сестры“, вручая его рукопись Художественно-общедоступному театру, и скоро театр приступит к подготовительной работе по постановке пьесы. Постановка отнимет месяц с небольшим, и на Святках Москва увидит новый чеховский шедевр. А что „Три сестры“—шедевр, может быть, лучшее из произведений Чехова для театра, я—говорить сотрудникам *Нос. Дня*, могу сказать с полной уверенностью. Вчера же я имел возможность познакомиться с „Тремя сестрами“ и получил разрешение познакомить с ними своих читателей.

Конечно, приходится ограничиться лишь общими чертами. Самая пьеса—такого характера, что обстоятельный, с деталями, пересказ ее—дело весьма мудреное, пожалуй,—и невозможное. Потому что вся сила и интерес „Трех сестер“—не в их фабуле, которая, как всегда у Чехова-драматурга, незначительна, без сложных вышних перипетий, даже почти неудовима, и не в оштрафованных, которыми можно точно формулировать, моральных положениях, „идеях“, как любить, говорить. Весь великий интерес и покоряющая прелесть—в общей атмосфере, нравственной и бытовой, в которой живут три сестры Прозоровы и окружающие их, в колорите пьесы, еще больше—в ее поразительно напряженном настроении. В этом отношении „Три сестры“—родная сестра и „Дядя Ваня“, и „Чайка“, так же, как и они, подчиняют душу читателя, зрителя, обдают ее мучительной, острой тоской. Потому что в „Трех сестрах“ Чехов—глубокий пессимист, с пессимизмом безысходным, так сказать—непосредственным, завладевающим самыми ндрами его души. Его пессимизм—не философский тезис, но искренний истинный строй, точно сложившийся среди сумерек нищих будней и скрашенный лишь глубоким поэтическим чув-

ством: пессимизм не может убить лиризма...

С первого же явления мы знакомимся со всеми тремя сестрами, Ольгой, учительницей гимназии, Машей, женой учителя гимназии, и Ириной, молодой, 20-летней девушкой. Они—дочери генерала, годь назад умершего; прекрасно воспитаны, образованы, с благородными натурами, которых тянет к жизни светлой, разумной, содержательной. Хочется истинного и искреннего счастья и влится, что оно—не сказка минувших лет, но возможно и теперь. За окнами—весна, и отблески ее—в сердцах трех сестер, особенно Ирины. Но они уже десять лет живут в глухом провинциальном городке, и главная их мечта—поскорее вырваться отсюда на свежий воздух большого города. Москва, где они родились, где университет, куда готовится профессором их старший брат Андрей,—вот главная их мечта. Москва для них, как для всей русской провинции—символ культуры, жизни осмысленной и полными незамедленными темпами. Мечта о Москве красной нитью тянется через всю пьесу. К ней возвращаются в моменты наибольшей сумеречной сумятицы в прозоровском доме, и она даже для того, кто не намерен видеть в изображении Чехова обобщение русской жизни, невольно вырастает до значения широкого символа. И от того, что все лучшее в трех сестрах ушло в эти мечты о Москве, такую призрачную, обманчивую, для нас, москвичей, давно растерявшую все свои пленительные краски,—взлететь большою скорбью. Мечта-бы обманула, если бы и сбылась. Но она и не сбывается. Она будет с каждым днем казаться все неосуществимее, и последняя красота жизни трех сестер, грезы и порывы, будут все вянуть и блекнуть под напором непобедимых мелочей жизни, глупого сближения случайных фактов и общего мрака уныния. Сейчас, под влиянием проснувшейся весны, от хлыла юности, хоть младшей из сестер, Ирины, кажется, что загадка истинной жизни разгадана. Разгадка—в труде. „Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторг!“... Не одна Ирина думает так... В этом—последнее утешение многих от безнадежности. Ненадежное утешение. Во втором акте Ирина до усталости работает на телеграф, в третьем—в земской управе,—но не дает этот труд „счастья, восторга“. Все туже затягивается петля жизни. Тупая

боль в головах, отчаяние в сердцах. Образъ Ирины—наиболѣе печальный въ драмѣ, потому что на нее особенно тяжелыми ударами падаютъ сумерки.

Она идуť своимъ печальнымъ чередомъ, иривоса маленькимъ вѣтхимъ переиѣнамъ въ жизни героевъ пьесы и лишь сгущая общій свой колоритъ. Не даромъ одинъ изъ персонажей „Трехъ сестеръ“ любитъ мечтать о томъ, что будетъ черезъ двѣсти, триста, тысячу лѣтъ, какъ тогда устроятся жизнь, какъ хорошо устроятся... Какъ должна быть безнадежна и безвыходна действительность, когда утѣшаться надо ровными перспективами на разстояннхъ тысячелѣтнхъ.

Вокругъ сестеръ нѣсколько весьма характерныхъ фигуръ, подчернутыхъ все тою же дымкою унынія, то развѣивающагося до грусти, то сгущающагося въ тупую тоску. Подполковникъ Вершининъ, которому принадлежатъ мечты о золотомъ вѣкѣ черезъ столѣтнхъ, у котораго жена неоднократно травится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить какую то нескладную, надрывную любовь въ сестрѣ Машѣ, жентъ ограниченнаго, глупо самодовольнаго учителя Кулагина; поручикъ баронъ Тузенбахъ, который слантся быть оптимистомъ, но отъ его оптимизма вѣетъ жутью, и который влюбленъ въ Ирину, молитъ о счастнхъ сдѣлаться его женою; штабъ-капитанъ Соленьнхъ, тоже страдающнхъ въ любви къ презирающей его Ирнѣ, вистѣчивый, нескладный; военный врачъ Чебутыкинъ, забывшнхъ и азбуку медицины, запойный пьяница. Все—тѣ русскне люди, которыми, говоря словами одного изъ персонажей этой же пьесы, „въ высшей степени свойственъ возвышенный образъ мыслей, а въ жизни они хватаютъ такъ невысоко“.

Брать трехъ сестеръ женятся на ограниченной провинциальной барышнѣ, тенте-а-тетге, легкомысленной, невѣрной женѣ, но снѣтливой, унывающей поемному прибрать домъ къ рукамъ. И туча унынія еще болѣе валнваетъ надъ ними. Мужъ все болѣе затягивается тмной будней. Внѣсто московской профессуры—тоска по несбытнейшей мечтѣ, по неудавшейся славѣ, да усиленный картежъ, да плачущая скрипка въ минуты, когда особенно остро почувствуется действительность. Ольга все болѣе надрывается въ гимназнх, Маша, наиболѣе грубая, но и наиболѣе цѣльная изъ сестеръ, все ниже сгибается, все болѣе загибывается въ слезахъ и желчи отъ двойнаго гнета—не-любви къ мужу и любви къ полковнику. Ирина все сильнѣе блекнетъ въ своихъ лучшихъ порывахнхъ, мечется въ тоскѣ,—

и ото всѣхъ все дальше уходитъ мечта—Москва. Вершиннхъ все тоскливѣе мечтаетъ о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ, Тузенбахъ все безпомощнѣе споритъ съ ннмъ и бодритъ себя виномъ, Соленьнхъ все сумрачнѣе влюбленъ въ Ирину. И изъ всего этого получается все болѣе угнетающая, не-лѣпая нескладница будничныхъ столкновений изъ-за комнатъ, денегъ, прислуги.

Бессмысленность жизни,—вотъ главная тема пьесы. И не можетъ быть въ ней смысла,—вотъ печальное резюме.

— А смыслъ,—спрашиваетъ Маша.

— А смыслъ? Вотъ онѣтъ идетъ. Какой смыслъ?

Развѣ что—„Въ Москву, въ Москву, въ Москву!“—какъ кончается Ирина 2 й актѣ пьесы. Но жизнь уходитъ, и „никогда мы не пойдѣмъ въ Москву!“—какъ говорить та же Ирина въ другомъ мѣстѣ, и ея символъ вѣры—о трудѣ уже снѣнился другимъ: „я ненавижу, я презираю трудъ“...

Развязка—такая же нескладная на видъ, но глубоко правдивая, съ нѣлнмъ выстрѣломъ Соленаго въ барона, не развѣивающнхъ, но еще сгущающимъ атмосферу тоски, не развѣивающимъ, но усугубляющимъ кошмаръ жизни.